

Бородинское сражение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б83

Б83 Бородинское сражение / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 126 с.

ISBN 978-5-517-82659-6

Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском Университете. Книга 1, по материалам чтений в Обществе. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1872 года.

ISBN 978-5-517-82659-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не смотря на то что ея странности и крупныя недостатки были вполнѣ замѣчены тотчасъ по выходѣ первыхъ томовъ Зедделерова изданія; въ немъ повторены всѣ промахи и недосмотры перваго изданія, а гдѣ по соображеніямъ г. редактора требовалось прибавлены новыя недосмотры, новыя промахи. Даже сотрудники перваго изданія, успѣвшіе скопчаться ко времени выхода въ свѣтъ втораго, продолжали въ немъ здравствовать. Словомъ, г. Богдановичъ являлся всюду, гдѣ можно было воспользоваться чужимъ трудомъ и въ добавокъ попортить его. Но мы пишемъ не разборъ всѣхъ сочиненій г. Богдановича (положимъ, что это сочиненія), а желаемъ познакомиться исключительно съ однимъ изъ нихъ, составляющимъ его гордость и славу. По этому укажемъ только на тѣ мѣста твореній, предшествовавшихъ «Исторіи Отечественной войны,» которыя имѣютъ съ нею связь.

Въ Военно-Энциклопедическомъ лексиконѣ, вышедшемъ подъ редакціею г. Богдановича, въ статьѣ: «Ватерлоо,» читаемъ: «но на голосъ генерала Пелета.» Будущій историкъ 1812 года не знаетъ, что это замѣчательный военный писатель, генераль Пеле (Pelet), пришедшій въ 1812 году въ Россію въ званіи Полковника Генеральнаго Штаба, начальника Штаба при помощникѣ Общаго Маіора по иѣхотѣ (aide major-général de l'infanterie), Графъ Лобанъ. Въ 1813 году Пеле получилъ бригаду въ молодой гвардіи. Впрочемъ, г. Богдановичъ долженъ бы знать, что по другимъ извѣстіямъ, замѣшавшаяся было въ послѣднемъ періодѣ Ватерлооскаго сраженія гвардія двинулась впередъ по голосу Генерала Поре де Морвана.

Тамъ же, въ статьѣ: «Baragé d' Илье,» помѣщена совершенно искаженная біографія этого Генерала. Будущій историкъ Отечественной войны 1812 года не знаетъ, что Наполеонъ, недовольный Бараге за распоряженія, послѣдствіемъ которыхъ былъ плѣнь бригады Ожеро, отдалъ его подъ судъ. Вотъ приказъ объ этомъ: «A camp imperial de Smolensk, 13 novembre 1812. S. M. l'empereur et roi mécontant de la conduite du général Baraguay d'Hilliers dans la journée du 9-e novembre, ordonne ce qui suit: 1-e le général Baragnay d'Hilliers est suspendu de ses fonctions; 2-e il se rendra aux arrêts dans une de ses terres en France, qu'il fera connaître au ministre de la guerre, jusqu'à ce qu'une enquête ait lieu sur ce qui le concerne; 3-e» и проч. (Fain Manus. de 1812, t. 2, p. 346—347).

Въ статьѣ: «Бородинское сраженіе, г. Маркевичъ, съ вѣдома г. редактора Лексикона, будущаго историка 1812 года, рассказываетъ о послѣднемъ періодѣ этой баталіи такія басни, какихъ нѣтъ даже у сказочника Бранта. Будущій историкъ 1812 года одобрилъ непристойное описаніе битвы, по справедливости составляющей украшеніе нашей военной исторіи. Описаніе Бородинской баталіи г. Маркевича, служить какъ бы дополненіемъ описанію г. Богдановича и разъясняетъ тѣ недомолвки, къ которымъ долженъ былъ прибѣгать авторъ «Исторіи Отечественной войны,» управляя свой челнъ между Сциллою и Харибдой, т. е., между страхомъ за потерю извѣстности либерала и опасеніемъ повредить благонадежности; въ этомъ случаѣ козломъ отпущенія послужилъ г. Маркевичъ, распахнувшійся, изъ либерализма, до рубахи, и г. Богдановичъ вывелъ его въ такомъ нарядѣ передъ Русскую военную публику.

Переходимъ къ «Исторіи Отечественной войны 1812 года,» г. Богдановича, но при этомъ не будемъ упускать изъ вида и сочиненіе ученика его, г. Витмера, появившееся съ такимъ шумомъ, какого Русскіе не слыхали, можетъ быть, съ 1812 года.

Да простятъ намъ читатели нѣсколько школьные приемы: они необходимы.

Г. Витмеръ, на стр. 7 своего сочиненія, вычисляя источники для исторіи войны 1812 года, и, по обычаю Русскихъ военныхъ писателей, сдѣлавши ошибку ¹ говоритъ: «наконецъ Богдановичъ, сочиненіе котораго, вмѣстѣ съ Шамбре и Беригарди, можетъ по справедливости считаться главнымъ источникомъ для изученія эпохи 1812 года.»

Г. Богдановичъ, въ своихъ «Запискахъ стратегіи» (т. 2, стр. 183) говоритъ, что сочиненія Наполеона написаны частію подъ его диктатурою (*sous sa dictée*). Исторія Отечественной войны 1812 года состоитъ, какъ извѣстно, изъ текста и приложений. Развертываемъ первый томъ ея, и на стр. 412 читаемъ: «Приложенія къ 1 главѣ: (1) *Histoire abrégée des traités de paix etc., par C. G. de Koch, augmentée et continuée, (запятая!) par Schoel. Ed. de Bruxelles.*

¹ Г. Витмеръ пишетъ: Воданкуръ; такого писателя нѣтъ, а есть Водонкуръ (*le général Guillaume de Vaudoncourt*).

les. 1838, III, pp. 37—39. (2) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. IX, pp. 429—432. (3) Hoepfner. Der Krieg von 1807 und 1807 (читайте: von 1806 und 1807) III, pp. 707—709 и 712.» Очевидно, г. Богдановичъ не видитъ разницы между диктовкою и диктатурою, между примѣчаніями и приложеніями. Послѣ этого, удивительно ли, если ученикъ его, г. Витмеръ, не понимаетъ разницы между источниками и пособіями. Пособіемъ можетъ служить всякая, даже плохая, компиляція, но это не даетъ права называть ее источникомъ.

Источниками же принято считать: официальные документы и сочиненія лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ описываемыхъ ими происшествіяхъ; за тѣмъ сочиненія лицъ, не принимавшихъ прямого участія въ происшествіяхъ, но жившихъ въ ту пору, когда они совершались, видѣвшихъ непосредственныхъ дѣятелей и записавшихъ ихъ рассказы; наконецъ, въ крайности, при утратѣ источниковъ этихъ родовъ, сочиненія людей, пользовавшихся заимствованными отсюда свѣдѣніями. По этому сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго о 1812 годѣ, конечно, источникъ. Михайловскій-Данилевскій близко стоялъ ко многимъ главнымъ дѣятелямъ нашимъ въ 1812 году; видѣлъ, въ 1814 и 1815 годахъ, многихъ подручниковъ Наполеона и бесѣдовалъ съ ними; своими глазами видѣлъ знаменитую Бородинскую битву; присутствовалъ при очищеніи Москвы, а въ сраженіи подъ Тарутинымъ былъ раненъ. Его Описаніе Отечественной войны 1812 года, не смотря на вольные и невольные промахи, есть сочиненіе, по тому что составляетъ продуманное и прочувствованное изложеніе всего, имъ видѣннаго, слышаннаго и прочитаннаго. Точно также сочиненіе Тьера: «Histoire du Consulat et d'Empire,» надъ которымъ такъ ѣдко издѣвается г. Витмеръ (стр. 6, примѣч.), тоже источникъ, и при томъ весьма важный, не смотря на то, что это сочиненіе не обременено, подобно труду г. Богдановича, безчисленными ссылками. Тьеръ не разъ бывалъ товарищемъ по кабинету знаменитыхъ Маршаловъ Наполеона, бесѣдовалъ объ его войнахъ со всѣми лучшими Генералами великой Французской арміи: наконецъ ему, какъ Министру, были открыты Французскіе архивы: иностранныхъ дѣлъ и военныхъ; ему были доступны собранія актовъ, хранящихся въ домашнихъ архивахъ главныхъ помощниковъ Наполеона. Все это даетъ труду г. Тьера полное пра-

во на названіе источника первой важности и, послѣ недавнихъ неистовствъ въ Парижѣ, ничѣмъ не замѣнимаго. Знаменитая же «Исторія Отечественной войны 1812 года» не во гнѣвъ будь сказано, не удовлетворяетъ ни одному условію, по которому можно было бы подтянуть ее, хотя съ грѣхомъ по поламъ, къ источникамъ. Многочисленныя примѣчанія, состояція по преимуществу изъ ссылокъ на давно всѣмъ извѣстное, служатъ только къ разбуханію объема этого сочиненія. ² Правда, въ немъ есть ссылки, въ родѣ слѣдующей: См. письмо Ермолова къ Императору отъ 16 Іюля. — Журналъ военныхъ дѣйствій 1 арміи, составленный Толемъ. — Но какъ ихъ смотрѣть, если они тлѣютъ за сорока печатями? Да если, наконецъ, по какому либо особенному счастью, этѣ печати снимутся, не можетъ ли иногда случиться, что подъ ними ничего не окажется? Г. Витмеру извѣстно, что въ частныя руки попали, и въ слѣдствіе того были напечатаны, многіе документы, несомнѣнно хранившіеся въ Государственныхъ архивахъ. «Исторія Отечественной войны 1812 года» есть даже не сочиненіе, а просто академическія записочки, компиліція по многимъ печатнымъ сочиненіямъ, преимущественно по Бутурлину и столь бранимому сочинителемъ Михайловскому-Данилевскому, у котораго г. Богдановичъ заимствовала частію и самое заглавіе; эпитетъ: «Отечественная,» для войны 1812 года, впервые употребленъ въ печати Михайловскимъ-Данилевскимъ. Къ разношерстному тексту своей Исторіи г. Богдановичъ приладилъ примѣчанія по нашимъ архивнымъ сокровищамъ, подобрать которыя весьма легко было, пользуясь указаніями Михайловскаго-Данилевскаго. «Исторія Отечественной войны 1812 года» есть собраніе выписокъ, механически связанныхъ между собою выраженіями: «принимая же въ соображеніе; тѣмъ не менѣе, однако жъ, или тѣмъ не менѣе, однако же; между тѣмъ; едва лишь; по едва лишь,» а за частую просто чертою, проведенною поперекъ страницы.

Такія положенія мы постараемся доказать, но теперь же считаемъ необходимымъ оговориться, что указать всѣ промахи г.

² Г. Витмеру, кажется, не извѣстно, что въ образованной Европѣ не привыкли ссылаться на печатныя сочиненія, считающіяся всѣмъ доступными и извѣстными. При томъ такія ссылки для военныхъ читателей вообще безполезны, потому что они не держатъ библіотекъ и лишены возможности провѣрить слѣдующія сочи-

Богдановича возможно только въ сочиненіи одного объема съ «Исторією Отечественной войны 1812 года.» Мы никогда не имѣли притязаній на такой трудъ; къ тому же въ библіотекѣ, которою мы пользуемся, нѣтъ ни одного Нѣмецкаго сочиненія о войнѣ 1812 года. Не дополнить ли нашъ трудъ г. Витмеръ, у котораго подъ руками богатая библіотека Военной Академіи, прослѣдивъ по Нѣмецкимъ подлинникамъ всѣ выписочки, которыми иснестрилъ г. Богдановичъ текстъ своей исторіи? Кстати, не отыщется ли г. Витмеръ откуда г. Богдановичъ выписалъ возбуждающую смѣхъ своею неумѣстностью тираду: «Мужайся Россія!» (т. 2, стр. 92). По этой причинѣ мы намѣрены остановиться на немногихъ мѣстахъ «Исторіи Отечественной войны 1812 года.» И этихъ мѣстъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы показать, съ какими ничтожными средствами можно объявлять притязанія чуть не на всемірную извѣстность.

Прежде всего поговоримъ о предисловіи, по тому что оно въ нашей военной литературѣ служитъ образцомъ для многихъ предисловіи.

Сразу нельзя понять, что г. Богдановичъ хочетъ сказать въ немъ. Причины, заставившія его взяться за писаніе Исторіи 1812 года, выясняются имъ какъ-то странно. Дѣло въ томъ, что г. Богдановичъ не желаетъ выяснитъ ихъ. Если бы онъ сказалъ: Записки объ исторіи войны 1812 года, составленныя мною по Бутурлину и Михайловскому-Данилевскому, я предположилъ, для удобства моихъ слушателей, напечатать, при чемъ счелъ необходимымъ свѣрить съ источниками, рукописными и печатными, показанія писателей, положенныхъ въ основаніе моего труда,—это было бы и справедливо и избавило бы сочинителя отъ безконечной путаницы въ предисловіи. Читателю оставалось бы только судить, на сколько г. Богдановичъ сумѣлъ воспользоваться матеріалами, бывшими въ его распоряженіи. Въмѣсто этого г. Богдановичъ пускается въ такія разсужденія: «Бутурлину и Михайловскому-Данилевскому неизвѣстны были многіе любопытнѣйшіе матеріа-

телямъ указанія. Ссылаться на печатныя сочиненія можно только опровергая, или разъясняя, ихъ. Приложеніями принято называть (*pièces justificatives*) или публикуемые неизвѣстные детали документа, или же разсѣлованіе какого либо вопроса, вынесеннаго изъ текста, чтобы не стѣснять общаго изложенія.

лы; въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ военная исторія обогатилась сочиненіями, которыя по справедливости могутъ считаться образцовыми; Смитъ, Гепфнеръ и Милюгинъ показали на дѣлѣ, что критическая военная исторія гораздо полезнѣе голаго изложенія фактовъ.» Все это идетъ къ дѣлу, какъ къ коровѣ сѣдло, и въ сущности представляетъ борьбу съ нарочно построенными вѣтренными мельницами. «Не смотря на множество иностранныхъ сочиненій о войнѣ 1812 года, ни одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ ни важности предмета, ни современному состоянію науки.» (!) Согласимся, что это такъ. Пусть Бутурлинъ и Михайловскій-Данилевскій плохи, а иностранные писатели о войнѣ 1812 года куда не годятся. Но вытекаетъ ли изъ этого положеніе, будто г. Богдановичъ призванъ вывести исторію войны 1812 года на торную дорогу? Не стязывается ли это тѣмъ самохвальствомъ въ высшей степени, за которое, когда-то такъ досталось отъ Русской исторической критики Полевому, бравшемуся

Русскому народу

За сорокъ за пять рублей отыскать свободу?

«Въ особенности же описаніе этой войны, составленное съ надлежащимъ безпристрастіемъ, необходимо въ настоящее время, когда появились въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ изслѣдованіе событій 1812 года, не всегда основанное на истинѣ.» вмѣсто того, чтобы указать на эти сочиненія, въ которыхъ, по мнѣнію Г. Богдановича, искажаются событія 1812 года, онъ вычисляетъ лучшія, на его взглядъ, иностранныя описанія войны 1812 года: Воспоминанія Принца Евгенія Виртембергскаго, записки Толя и Исторію Шамбре.³ Но у васъ, г. Богдановичъ, есть особая статья объ источникахъ, правда, помѣщенная, по чему-то, въ III томѣ. За чѣмъ же эти повторенія, идущія съ IV до половины VI страницы? Чтобы познакомиться съ источниками вашего труда и вашими на нихъ взглядами, читателю, благодаря вашимъ самодѣльнымъ приемамъ въ распредѣленіи по томамъ предметовъ содержанія, необходимо разомъ читать и макушку и хво-

³ Чѣмъ корнѣтъ надъ сочиненіемъ трехтомной компіляціи, не коротче ли было бы указать въ разборѣ на всѣ ошибки, встрѣчающіяся въ этихъ сочиненіяхъ, заключающихъ въ себѣ изслѣдованіе событій 1812 года, не всегда основанное на истинѣ?

стикъ вашей книги, т. е., предисловіе, помѣщенное въ началѣ I-го тома, и послѣсловіе, находящееся въ концѣ третьяго.

На VI страницѣ предисловія г. Богдановичъ такъ очерчиваетъ предѣлы, заданной имъ самому себѣ, задачи: «Начертать высокій образъ Монарха, увѣреннаго въ вещественныхъ и нравственныхъ силахъ Русскаго народа, одержавшаго, цѣною немалыхъ трудовъ и пожертвованій, верхъ надъ гениальнымъ противникомъ; съ другой представить картину грознаго нашествія на Россію арміи, составленной почти изъ всѣхъ Европейскихъ націй, и борьбы съ нею Русскаго народа;⁴ не упуститъ изъ вида ни одного подвига, ни одной характеристической черты исполнителей 1812 года; объяснить сокровенныя причины дѣйствій, остающихся темными, загадочными, единственно отъ того, что свѣтильникъ истины иногда затмѣвался пристрастіемъ; показать вліяніе стихій, зноя и стужи, голода и жажды (хороши стихіи!), наконецъ—случая, играющаго столь важную роль въ военномъ искусствѣ.» Для этого сочинителю предстояло: «изучить источники войны 1812 года, перечитать множество мемуаровъ и писемъ, прислушаться къ сужденіямъ свидѣтелей этой эпохи.» Передъ подобною рекламою блѣднѣетъ даже, знаменитая въ свое время, реклама о Макасарскомъ маслѣ.

Кто соединитъ чтеніе предисловія съ послѣсловіемъ, что, впрочемъ, необходимо, того поразитъ противорѣчіе этихъ двухъ произведеній, доходящее до того, что ихъ можно приписать не одному, а двумъ разнымъ лицамъ. Въ предисловіи г. Богдановичъ—писатель сдержанный, въ послѣсловіи это—типъ стараго ожесточившагося служаки, который ни о чемъ не можетъ говорить, не выбравшись предварительно. «Отдавая справедливость трудамъ Генераловъ Бутурлина и Михайловскаго-Данилевскаго, я, однако жъ, убѣдился, что многіе изъ документовъ были имъ неизвѣстны.» И только. Это въ предисловіи; а изъ послѣсловія читатель узнаетъ, какъ этимъ Генераламъ отдается должная справедливость. «Изученіе Бутурлинымъ (т. III, стр. 535 и 536) военныхъ дѣйствій 1812 года было односторонно: авторъ былъ жар-

⁴ Да кстати ужъ, съ третьей стороны, представить бы картину Русской Главной Квартирны, составленной почти изъ всѣхъ Европейскихъ націй, и борьбы съ нею Русскихъ Генераловъ.

кимъ послѣдователемъ стратегической системы Жомини: всякое дѣйствіе обсуживается у него на основаніи мыслей Генерала Жомини, что чрезвычайно стѣсняетъ кругозоръ его критическихъ выводовъ.⁵ Онъ оставилъ безъ вниманія весьма важные матеріалы; по напрасно кто либо сталъ бы искать въ немъ объясненіе характера и личныхъ свойствъ главныхъ дѣйствующихъ (читайте дѣятелей), намѣреній и рѣшеній въ совѣтахъ военачальниковъ, вліянія мѣръ, принятыхъ противникомъ,⁶ духа народа и войскъ (!), положенія арміи въ различныя эпохи войны (!) словомъ сказать, вліяніе нравственныхъ силъ. Отъ этого самого повѣствованіе автора, не смотря на занимательность предмета, сухое, безжизненное, лишенное всего того, что обуславливаетъ прелесть созданія, представляетъ подобіе скелета.» О Военно-Академическое краснорѣчіе!

Но, одѣляя всѣхъ писателей о 1812 годѣ, Русскихъ и иностранныхъ, перламъ своего краснорѣчія и сообразительности, г. Богдановичъ самые крупные изъ нихъ поберегъ для отдачіи должной справедливости Генералу Михайловскому-Данилевскому. Сколько можно судить по тону, господствующему въ отзывѣ г. Богдановича о Михайловскомъ-Данилевскомъ, послѣдній былъ личнымъ врагомъ его. О немъ г. Богдановичъ не можетъ говорить хладнокровно; при одномъ взглядѣ на «Описаніе Отечественной войны» у г. Богдановича рябитъ въ глазахъ и онъ не можетъ прочесть въ немъ, не смотря на крупную печать, трехъ строчекъ къ ряду, не сдѣлавши ошибки. Невольно приходится возстановлять чтеніе, при помощи параллельныхъ выписокъ.

Михайл.-Данил., т. I, стр. XV:

«Критическая исторія не была моею цѣлю. Оставимъ ее военнымъ схоластикамъ, преподавателямъ Стратегіи и Тактики.»

Богдановичъ, т. III стр. 535:

«Критическая исторія не была моею цѣлю. Оставимъ ее военнымъ схоластикамъ, любителямъ стратегіи и тактики.»⁷

⁵ Тотъ рабски держался стратегической системы Жомини; отъ чего же его Дневникъ отнесенъ г. Богдановичемъ къ лучшимъ иностранныхъ сочиненіямъ о 1812 годѣ?

⁶ Кто противникъ? Какой арміи? Какого народа?

⁷ А по другимъ извѣстіямъ это мѣсто и у Данилевскаго и у г. Богдановича слѣдуетъ читать такъ: «схоластикамъ, губителямъ стратегіи и тактики.»

«Этихъ немногихъ строкъ, восклицаетъ негодующій г. Богдановичъ, достаточно для опредѣленія понятій автора о Военной Исторіи вообще и того направленія, которому онъ намѣревался слѣдовать при изложеніи Отчественной войны 1812 года.»

Ни чѣмъ, кромѣ личной вражды, нельзя объяснить этой выходки. Если бы г. Богдановичъ, хладнокровно и безъ озлобленія, вчитался въ смыслъ словъ Михайловскаго-Данилевскаго, онъ увидалъ бы, что начертанная имъ для описанія войны 1812 года программа самая здравая и скромная. Смыслъ словъ Данилевскаго такой: «Я воинъ практическій, и по тому не берусь судить о военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ самъ принималъ участіе. Я старался составить описаніе, основанное на неопровержимой истинѣ, вездѣ подкрѣплялъ рассказъ мой ссылками на документы, вездѣ приводилъ, безъ малѣйшей перемѣны, собственныя слова дѣйствовавшихъ лицъ, ихъ сужденія, ихъ взгляды на дѣла, ихъ виды въ будущемъ, по чему они поступали такъ, а не иначе. Пусть историческія лица сами за себя говорятъ, пусть сами повѣствуютъ о нашемъ славномъ 1812 годѣ, пусть оживаютъ они передъ потомствомъ самобытною, подлинною своею жизнью. Я не владѣю достаточными свѣдѣніями, чтобы произнести свой судъ надъ ихъ славными подвигами: такой судъ по праву принадлежитъ людямъ полноправнымъ въ судѣ, военнымъ схоластикамъ (схолиастамъ, комментаторамъ), преподавателямъ Стратегіи и Тактики.» Гдѣ вычиталъ г. Богдановичъ у Михайловскаго-Данилевскаго, будто онъ отрицается отъ необходимости знать Стратегію и Тактику и преподавателей этихъ наукъ называетъ педантами? Грустно становится при видѣ писателя, который, не умѣя найти, къ чему бы придраться у своего соперника, целовко навязываетъ ему нелѣпости собственного изобрѣтенія, и потомъ опровергаетъ ихъ до самозабвенія. Каленныя ядра (Богд. т. III, стр. 536) вмѣсто гранаты—такая мелочь, о которой не стоило бы говорить. Это очевидная описка: чинеными ядрами, хотѣлъ сказать Михайловскій-Данилевскій, старавшійся говорить въ своемъ сочиненіи простымъ военнымъ языкомъ. «Черепокъ (вмѣсто осколокъ гранаты) чиненаго ядра ударилъ князя Багратіона въ правую ногу и пробилъ переднюю часть берцовой кости» (Опис. Отеч. Войны 1812 г., т. II, стр. 248). Можно даже подозрѣвать, что каленный вмѣсто чиненный, и схоластикъ вмѣсто схолиастъ,—поправка военно-ученыхъ справщиковъ,

къ которымъ Михайловскій-Данилевскій обращался по скромности, характеризующей всякое истинное дарованіе.

За тѣмъ идутъ упреки Михайловскому-Данилевскому въ «пристрастіи и умолчаніи о заслугахъ.» Безпристрастіе! Великое качество, но, кажется, г. Богдановичъ не далъ себѣ отчета, въ чемъ должно состоятъ безпристрастіе. Разбирая иностранныхъ писателей о войнѣ 1812 года, онъ такъ и ссылеть на право и нальво: «пристрастенъ, безпристрастенъ.» Точно у этихъ писателей нѣтъ ничего другого, что стоило бы замѣтить.⁸

Умолчаніе о заслугахъ! Всѣ умолчанія не могутъ ни на волюсь затемнить никакихъ заслугъ, и истина, рано, или поздно, должна открыться. Не за умолчанія бранили Михайловскаго-

⁸ Г. Богдановичъ не мѣшалъ бы вспомнить, по поводу безпристрастія, слѣдующія слова Бутурлина (Boutourlin, Histoire milit. de la campagne de 1812, t. I, Avertis. p. IX): «Что касается до воззрѣній въ моемъ сочиненіи, то они чисто Русскія, и это такъ должно быть; авторъ слишкомъ уважаетъ военныхъ всѣхъ націй, ставящихъ выше всего военную славу своей страны, и потому предполагаетъ, что такое чувство не можетъ удивить ихъ, а напротивъ, заслужитъ ихъ одобреніе. Если этотъ патриотизмъ увлекъ меня въ нѣкоторыя преувеличенія, то это произошло неволью, по тому что я велически старался уберечься отъ нихъ.»

Здѣсь же, кажется, будетъ у мѣста привести слова Русскаго, одного изъ просвѣднѣйшихъ людей своего времени, написанныя имъ по поводу такихъ же обвиненій, какими г. Богдановичъ осѣщаетъ Михайловскаго-Данилевскаго: «Ты упрекаешь меня, другъ мой, что я слишкомъ сержусь, слишкомъ браню Французовъ: оно можетъ быть и правда, и я готовъ признаться въ излишествѣ, только съ тѣмъ, чтобы ты сперва доказалъ мнѣ, какъ въ подобномъ случаѣ можно быть умѣреннымъ. Слова, выраженіе мыслей, должны ли быть, сколько возможно, соразмѣрны съ движеніемъ души того, который ихъ произноситъ? Буде оно такъ, то за тѣмъ почитать бранью, естъли я называю Французовъ нестовцами, извергами, чудовищами? Укоряя меня въ недостаткѣ умѣренности, ты, другъ мой, забылъ бездѣлицу: забыть, что я живу въ Москвѣ, окруженъ памятниками злобы Французовъ противу насъ, гдѣ быть умѣреннымъ къ нестовѣйшимъ врагамъ нашимъ значить, по моему заключенію, тоже, что быть колодою, а не человѣкомъ. Боже меня унаси отъ такой умѣренности, хотя бы она и добродѣтельно называлась! Но я скорѣе соглашусь съ Дантомъ, который въ адѣ своемъ выдумалъ особый лимбъ для этихъ холодныхъ философозъ, добрыхъ умѣренныхъ людей, которые могутъ не ненавидѣть виновниковъ гибели Отечества своего.» Сынъ Отеч. ии. XXXIX, стр. 67. Третье письмо въ Нижній Новгородъ.